

**ЧИТАЙТЕ КНИГИ
НАТАЛЬИ ТИМОШЕНКО:**

Мертвая неделя
Игра с огнем
Хранительница болот
Нити жизни
Гадючий Яр

Цикл «Игры со смертью»

Кошки-мышки
Правда или желание
Дочки-матери
Жмурки
Казачьи-разбойники

**Цикл
«Демонология по Волкову»**

Собиратели душ
Падальщики
Сноходцы

**Цикл
«Проклятые артефакты»**

Последнее отражение
Маска тишины

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

МАСКА ТИШИНЫ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т41

Художественное оформление серии
Екатерины Петровой

Тимошенко, Наталья Васильевна.

Т41 Мaska тишины / Наталья Тимошенко. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Мистические романы Натальи Тимошенко).

ISBN 978-5-04-231719-4

Юная Кьяра Циани, собираясь на свой первый бал, мечтала о красивом платье, танцах и поклонниках. Она не знала, что этот вечер станет началом кошмара. После бала не осталось ничего, кроме холода, пустоты и смерти. А причина всему — маска, подаренная Кьяре родным братом.

Четыреста лет спустя историк Стефан Яновский хочет найти эту маску и выяснить, за что имя ее создателя стерли из истории, а почти все его работы уничтожили.

Но чего хочет сама Кьяра? Кто она теперь — друг или враг? И какую цену придется заплатить тому, кто осмелится ее узнать?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231719-4

© Тимошенко Н., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Пролог

1651 год, Венеция

Сырой осенний туман окутывал Венецию вот уже который день, по крышам едва слышно стучал мелкий дождь, и даже в зале собраний маскарери¹ было влажно и холодно, словно лагуна дышала прямо в стены. Свечи чадили, воск стекал на дубовый стол, вокруг которого расселись мастера. В воздухе стоял запах старой бумаги, пыли и влажного сукна, которым были прикрыты окна. Лица собравшихся были так же мрачны, как и погода за окном. Некоторые тихо переговаривались, другие же смотрели вокруг из-под лба, будто ждали подвоха. Повод, по которому они все собрались здесь этим вечером, был настолько пугающим, что никто не рисковал обсуждать его вслух.

— Синьоры, — наконец поднял руку магистр, седой мужчина с тяжелым взглядом. — Мы начинаем заседание.

Тишина воцарилась мгновенно. Никто не решался кашлянуть. В зал заседаний внесли толстый сви-

¹ Мастер по изготовлению масок в Венецианской республике.

ток, перевязанный черной лентой, и положили его на середину стола. На ленте уже отпечатались пятна воска — следы прежних собраний. Слух о том, что сегодня решится судьба Бартоломео Вальтерры, которого почти все из присутствующих знали лично, разнесся по городу быстрее, чем лодки по каналам.

Первым выступил писарь: молодой бледный человек с дрожащим голосом. Он начал читать доклад: перечень жалоб, поступивших в канцелярию гильдии. Там были имена горожан и знатных заказчиков, даты, описания «странных происшествий» после ношения масок мастера. Слова были сухие, чиновные, но от них у сидящих в зале мурашки бежали по коже. Писарь дважды запинаясь, и всякий раз присутствующие начинали шептаться до тех пор, пока магистр не ударял жезлом по столу.

— Хватит, — произнес наконец магистр. — Суть жалоб нам ясна. Пьеро, — он повернулся к молодому человеку, до этого стоящему в тени у стены.

Некоторые мастера, сидящие к нему спиной, вздрогнули: они даже не предполагали, что позади них кто-то есть. На мгновение повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием фитилей.

— Ты подтверждаешь все сказанное? — спросил магистр, глядя на выступившего из тьмы человека.

Пьеро кивнул.

— Я проверил почти все озвученные жалобы, — низким голосом произнес он. — Все подтверждены.

Магистр некоторое время молчал, будто раздумывал над услышанным, и никто не решался нарушить эту тяжелую тишину. Наконец он хрипло кашлянул и сказал:

— Что ж, думаю, у нас нет другого выхода, кроме как исключить Бартоломео Вальтерру из гильдии...

— Но Вальтерра мертв, — заметил один из старших мастеров по прозвищу Дзанни. — Уже почти год его никто не видел.

— Однако его работы остаются, и работы эти позорят всех нас, — возразил ему другой мастер.

— Или губят, — тихо сказал кто-то из угла. Голос прозвучал так глухо, что нельзя было разобрать, кто именно произнес эти слова.

За столом начался спор. Одни говорили о чести ремесла, другие — о страхе, что слухи дойдут до Совета Десяти¹. Церковь уже задавала вопросы. И если не принять мер, гильдию обвинят в том, что она укрывает Вальтерру и его деяния. Такое не простят никому.

— Его маски носят печать гильдии, — сказал седой мастер по имени Фальконе. — Для толпы нет разницы, кто их сделал. Для людей будем виноваты мы все. Маски нужно уничтожить!

— Уничтожить? — возразил другой. — Это подлость! Сжечь труд мастера — все равно что вычеркнуть его из истории.

— Так тому и быть, — резко оборвал магистр. — Его имя уже вычеркнуто. Мы обязаны спасти свое.

— Но маски... — испуганно произнес один из самых молодых мастеров, Антонио Виери. — Маски Вальтерры гениальны!

¹ Тайный орган управления Венецианской республики, созданный в XIV веке для защиты государства от заговоров и измен. Обладал почти неограниченной властью и курировал дела государственной безопасности.

Всем в зале было известно, что Виери когда-то был подмастерьем Вальтерры и, быть может, его главным поклонником.

— На твоём месте, Виери, я был бы первым, кто голосовал за предание Вальтерры забвению, — мрачно заметил Фальконе. — Ты был его подмастерьем. А теперь у тебя молодая жена и ребенок, подумай о них. Если Совет Десяти начнет расследование, как ты докажешь, что ни о чем не догадывался? А быть может... — Фальконе наклонился над столом и устался на Виери тяжелым немигающим взглядом. — ...ты и сам перенял его... способы. Может быть, нам стоит проверить и твои маски?

Виери испуганно отпрянул.

— Я... я ни о чем не догадывался!

— Так уж и ни о чем?

— Хватит! — властно приказал магистр. — Я верю Виери. Никто в здравом уме не мог представить, что Вальтерра... — Магистр зашнурлся, так и не произнеся вслух страшные слова.

Некоторые присутствующие скривились от отвращения, лица других оставались непроницаемыми.

— А что насчет Моранди? — спросил кто-то. — Он виноват не меньше. Почему мы не обсуждаем его?

— Потому что Моранди — не маскарери, — раздраженно ответил все тот же Фальконе. — С ним пусть лекари разбираются.

Магистр поднялся, давая понять, что решение окончательное и обсуждению более не подлежит, махнул рукой писарю. Тот подошел с реестром. Поочередно мастера ставили подписи: кто твердой рукой, кто с дрожью. Лишь двое попытались возразить, но, увидев ледяные взгляды собратьев, промолчали.

Когда последняя подпись легла на свиток, магистр велел внести в зал тяжелую доску с выгравированным именем: Бартоломео Вальтерра. Она еще недавно висела среди прочих табличек на стене зала. Магистр поднял молот и с глухим звуком разбил доску пополам. Осколки отнесли в сторону, будто даже прикасаться к ним было страшно и мерзко.

— Отныне, — произнес магистр, — никто не имеет права хранить или показывать работы этого человека. Где найдем — там сожжем. Где услышим имя — там вытравим его. Пусть исчезнет. Пусть не будет памяти.

Слова эхом разнеслись по сводам. Казалось, даже свечи мигнули и стали гореть не так ярко.

Заседание завершилось. Колокол церкви ударил девять раз. Мастера молча покинули зал; каждый оборачивался к двери, словно опасался, что за спиной кто-то идет. А на улице все так же клубился туман, и в нем можно было различить очертания масок — пустых, безликих, будто следивших за своими создателями.

Глава 1

Наши дни

Аукцион проходил в одном из тех старых домов Вероны, что еще помнят шепот купцов и визиты дворян. Узкие окна разрезали холодные стены на равные части, а мраморный пол был отшлифован тысячами шагов. В зале пахло полировкой, старой бумагой и чем-то чуть сладковатым: то ли вином, то ли свечами, зажженными в бронзовых подсвечниках.

Ряды стульев стояли полукругом, как в небольшом театре, перед ними располагалось возвышение с дубовым столом и массивным молоточком, который уже сам по себе был похож на музейный экспонат. За столом стоял аукционист: сухощавый мужчина в темном костюме, с голосом, в котором звучала привычка управлять вниманием зала.

По бокам зала располагались витрины, в которых еще до начала торгов можно было рассмотреть лоты: гравюры, старинные книги, медали, часы, крошечные шкатулки, миниатюры, предметы быта и редкие украшения. Над витринами висели номера лотов,

некоторые уже были помечены красными кружками «Продано».

В глубине зала тихо переговаривались люди: коллекционеры, антиквары, перекупщики. Кто-то держал каталоги, кто-то просматривал пометки в планшетах. Слышались редкие смешки, приглушенные покашливания. Воздух наполнял едкий аромат духов и денег, которые вот-вот должны были сменить хозяев.

Ассистенты — молодые люди в белых перчатках — приносили лоты и устанавливали их на бархатную подставку так, чтобы каждый мог рассмотреть. Когда речь шла о мелких предметах: медалях, кольцах или печатях, — по рядам пускали каталоги с увеличенными фотографиями.

Публика реагировала сдержанно, но живо. Кто-то приподнимал табличку почти лениво, даже не глядя на аукциониста, кто-то наклонялся к соседу и шептал короткое «да?», прежде чем поднять номер. Иногда аукционист позволял себе сухую шутку. Зал отвечал легким смехом, и напряжение спадало на мгновение, но тут же возвращалось, когда ставки снова начинали расти.

Суммы назывались уверенно, почти не раздумывая, словно деньги были лишь условным жестом, а настоящая битва велась за право обладать историей. Красные кружки «Продано» появлялись один за другим, и зал постепенно оживлялся: проигравшие вздыхали, победители удовлетворенно улыбались.

Леон Волков, известный коллекционер и меценат, вместе с женой Алисой расположился в третьем ряду, откуда была хорошо видна бархатная подставка, на которую ассистенты клали экспонаты. Как

и все в зале, вместе с приглашением на аукцион Леон получил и полный каталог выставляемых предметов, заранее изучил его и пометил вещицы, за которые будет торговаться, а потому почти не обращал внимания на те торги, что его не интересовали. Леон уже проиграл торги за медальон известной итальянской танцовщицы девятнадцатого века, а потому сейчас неслышно листал старую книгу, прихваченную с собой как раз для тех случаев, когда нечем будет заняться. Алиса, в отличие от мужа, за торгами следила с интересом. Ей не столько были важны называемые суммы, сколько она обращала внимание на сами предметы.

Когда аукционист в очередной раз стукнул молоточком и крикнул «Продано!», Алиса наклонилась к Леону и тихонько прошептала:

— Ты расстроен?

Тот вскинул голову, не сразу понимая, что жена имеет в виду.

— Прости?

— Расстроен тем, что не купил медальон?

— Нет, вовсе нет. — Леон захлопнул книгу и улыбнулся. — Я был бы рад, если бы он оказался в моей коллекции, но не за пять тысяч евро.

Заранее помечая в каталоге интересующие его вещи, Леон мысленно продумывал и цену, которую согласен за них заплатить, и почти никогда не превышал установленные лимиты. Он как никто другой знал, что порой нужно вовремя остановиться и не платить свыше того, о чем потом пожалеешь. За медальон пришлось торговаться с одним горячим итальянцем, который, входя в раж, тормозить как раз не умел, а потому Леон сразу понял, что медальон ему не до-

станется, и сейчас не горевал о нем. В конце концов, это всего лишь интересная безделушка.

Ассистент тем временем положил на подставку небольшую продолговатую шкатулку, инкрустированную переливающимися на свету камнями. Не драгоценными, а потому шкатулка не могла стоить слишком дорого. Леон тем не менее выпрямился, поскольку это был один из тех предметов, за которые он собирался торговаться.

Аукционист взял в руки молоточек, прищурился на зал, словно оценивая публику, и слегка театрально объявил:

— Лот номер двадцать шесть. Изящная шкатулка, предположительно XVII века. Начальная ставка — пятьсот евро.

— Пятьсот, — тут же поднял карточку кто-то в середине зала.

— Шестьсот, — сказал Леон, едва кивнув ассистентке, которая ловко отметила его ставку.

— Семьсот, — подключился горячий итальянец слева, тот самый, что чуть раньше увел у Леона медальон.

— Восемьсот, — снова отозвался Леон.

Итальянец еще раз поднял карточку, но вяло, будто сомневаясь. Очевидно, его горячность все же ограничивалась банковским счетом. Второй соперник, худощавый мужчина в модном сером пиджаке, тоже рискнул поднять цену, но, как только Леон уверенно произнес «Тысяча сто», оба почти синхронно опустили карточки.

— Кажется, наш синьор настроен решительно, — с веселым видом заметил аукционист, скользнув взглядом по залу. — Предупреждаю: молоточек сегодня в отличной форме.

В зале тихо засмеялись, кто-то одобрительно кивнул.

— Тысяча сто раз... тысяча сто два... — с напевной интонацией произнес аукционист, глядя на соперников, но никто не шелохнулся. — Продано!

Молоточек щелкнул по дереву с сухим, почти торжественным звуком, и ассистент бережно отнес шкатулку к столу для выдачи. Леон улыбнулся. Сейчас он чувствовал приятное удовлетворение: шкатулка досталась ему легко, почти без борьбы, а значит, именно так, как он хотел. Ему не терпелось взять ее в руки, рассмотреть со всех сторон, убедиться, что он не ошибся в своих предположениях, но ассистент уже нес следующий лот. И как раз один из тех, за которые Леон собирался торговаться до последнего по одной простой причине: этот лот хотела его жена.

Ассистент положил на подставку старинную гравюру в темной раме. Леону показалось, что даже руки молодого человека слегка подрагивали: гравюра была одной из самых дорогих вещей в каталоге, за нее наверняка назовут неприлично огромную сумму. Зал, подтверждая предположения Леона, сразу зашевелился: кто-то наклонился к соседу, кто-то поднял каталог, сверяя описание. Под стеклом можно было рассмотреть детальный вид Флоренции, гравированный в середине XVI века. Каждый дом, каждая башня были выведены с ювелирной точностью, видны были даже крошечные фигурки людей на набережных. Внизу стояла подпись: Иероним Кок — имя знаменитого антверпенского живописца и издателя, чьи отпечатки ценятся коллекционерами по всему миру.

Алиса, до этого сидевшая на стуле расслабленно, выпрямилась, впилась взглядом в гравюру. Леон видел, как загорелись ее глаза. Алиса обладала художественным талантом, училась на реставратора в университете и совсем недавно особенно увлеклась старинными гравюрами.

— Лот номер двадцать семь, — торжественно объявил тем временем аукционист. — Гравюра Иеронима Кока, XVI век. Начальная цена — две тысячи евро.

— Две тысячи, — подал голос мужчина в сером пиджаке, который только что сошел с дистанции за шкатулку.

— Две пятьсот, — поднял карточку Леон.

— Три тысячи, — раздалось из дальнего ряда.

— Четыре, — без паузы сказал Леон.

Торг разгорелся быстро. Ставки летели вверх, будто кто-то подливал масла в огонь. Каждый раз, когда аукционист называл новую цену, тут же находился тот, кто перебивал ее.

— Пять тысяч! — выкрикнул горячий итальянец, уже заметно краснея.

— Пять пятьсот, — спокойно произнес Леон, словно речь шла о цене на помидоры на рынке.

Алиса, до этого наблюдавшая за происходящим с легкой улыбкой, нахмурилась и чуть наклонилась к мужу:

— Леон, может, хватит?

— Разве мы ее уже купили? — приподнял бровь тот, не сводя взгляда с аукциониста.

— Нет, но...

— Но?..

— Это дорого.